

ОНА ВСЯ БЫЛА – ЛЮБОВЬ

Майя СУСЛОВА

1886 год, Париж... В семье Жоржа Эстева, преподавателя лицея имени Людовика Великого, родилась дочь – маленькая Жанна, которой жизнь уготовила трудную и редкостную судьбу: пятьдесят лет прожить вдали от Родины в далёкой и суровой России и здесь же быть похороненной, рядом с любимым и единственным на всю жизнь человеком.

«НАВЕКИ ВМЕСТЕ!» – РЕШЕНО С САМОГО НАЧАЛА

1916 год. Париж. Разгар Первой мировой войны. Политэмигрант из России, член РСДРП, Иосиф Кофман вступает добровольцем во французскую армию, где несёт службу санитаром. После битвы под Верденом его часть отводят на отдых в пригород Парижа. Он, как вольнонаёмный, снимает комнату в частном доме. И вот здесь-то и происходит его первая встреча с молодой француженкой – Жанной Эстев.

Очаровательная девушка Жанна из культурной и обеспеченной семьи. Её семья вела свою родословную с очень давних времён. Среди её предков были путешественники, исследователи, учёные, литераторы, педагоги. Отец, господин Эстев, преподавал латынь и греческий, хорошо знал славянские языки, за заслуги имел высшую награду Франции – орден Почётного легиона. Юная Жанна получила прекрасное образование в Парижской консерватории. Она певица, у неё дивный голос, училась бельканто в Италии, у знаменитого певца Маттия Баттистини. Ей посвящал свои произведения композитор Клод Дебюсси, подарил ноты сам Массне, её наставницей была великодушная Фелия Литвин (певица русского происхождения). Жанна Эстев – солистка Парижской филармонии. Её репертуар – классика: Шуберт, Бородин, Григорианов, Мусоргский,

французские народные песни. Она так хороша собой, что поклонников, предлагающих ей руку и сердце, не перечесть.

А он? Простой санитар, только что из окопов, усталый, измученный, мрачный, с очень трудным характером. Но большой, сильный, умный, уверенный в себе и в своих идеалах. Независимый, гордый, волевой. Человек огромной эрудиции, прекрасно говорящий на нескольких иностранных языках. Красивой, благородной внешности. Глубокой старинной порядочности и воспитанности. В общем – поразительный.

Любовь вспыхнула с первой встречи, и через год – в 1917-ом – мадемуазель Жанна Эстев стала мадам Жанной Кофман-Эстев. Выйдя замуж за революционера, она безоговорочно приняла его идеи и убеждения. «Навеки вместе» – с самого начала было их кредо.

В 1930-ОМ ВСЁ И НАЧАЛОСЬ

Весть об Октябрьской революции Иосиф воспринимает восторженно. Ведь он стал революционером ещё в 1905 году, когда, будучи гимназистом, вступил в РСДРП и был связным между партийной организацией и восставшим броненосцем «Потёмкин», доставляя туда листовки, вооружение, провизию. Как только в Париже открылось советское торгпредство, Иосиф устроился туда на работу и несколько лет работал под руководством Леонида Красина.

Семья живёт счастливо. У них две дочери: старшая Мария-Жанна Тереза и младшая Женевиєва, которые растут в самой благополучной обстановке, в любви и согласии родителей. Казалось, их ждёт безоблачное будущее. Но судьба распорядилась по-иному.

Иосиф получает известие от матери из Одессы: умер отец, умер старший брат, мать осталась совершенно одна и нуждается в его поддержке. Немедленно он выезжает в советскую Россию – пока один, без семьи. Через некоторое время

Майя СУСЛОВА

родилась в 1935 году в городе Оса Пермской области. В 1949 году семья переехала в Углич, по месту работы отца, где Майя училась сначала в школе, а потом в педучилище. В 1953 году закончила Угличское педучилище, затем, в 1959-ом, – Ленинградский пединститут им. Герцена (факультет романских языков). Три года работала в Угличе во ВНИИМСе переводчицей с французского языка в отделе информации, затем 35 лет преподавала английский и французский языки в Угличском педучилище. Майя Павловна – автор многих очерковых публикаций в газетах, а также журнальных краеведческих статей.

Солистка
Парижской
филармонии
Жанна Эстев.

Политэмигрант
Иосиф Кофман.

Жанна с детьми направляется вслед за ним. 1927–1930 годы их жизни в СССР были спокойными, можно сказать – благополучными, с хорошей интересной работой у Иосифа (он специалист по экономике и праву). Но в 1930-ом всё и началось. Арестовывают всех руководителей предприятий, где работал Иосиф. Наступает и его очередь.

СЛЕД ОТЫСКАЛСЯ НА БЕЛОМОРКАНАЛЕ

«Папа исчез, – вспоминает дочь Жанна, – и в Москве осталась его семья: не умеющая говорить по-русски жена, двое малолетних детей и мать. Семья с клеймом – «враг народа».

Мама ездила устраиваться на работу, но её нигде не брали. Вчерашние

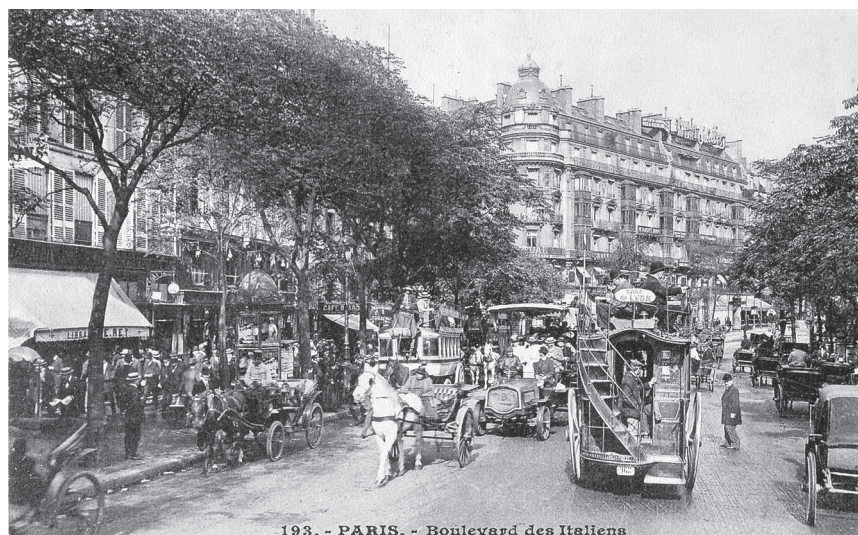
друзья разом отвернулись. Наконец, она стала давать уроки французского и музыки. В Бутырской тюрьме ей разрешили свидание с мужем. Но много ли скажешь за короткие минуты встречи, да ещё с мотающимися между двумя решётками соглядатаями. После свидания он снова исчез, но мама узнала: он в лагере в Заполярном Урале. А въезд туда иностранцам, конечно же, был запрещён.

И тогда мама приняла мужественное решение: отказаться от французского гражданства и принять советское. Посол умолял её не делать этого, но она была непреклонна. Она всё решила. Ради семьи, ради мужа, ради их любви.

А что же дети? Не зная, какая

Париж.
Итальянский
бульвар.

Юная Жанна
в Люксембургском
саду.

судьба ждёт их, Жанна обратилась к Екатерине Пешковой, тогда Председателю Общества Красного Креста.

– Детей у вас могут отобрать, – прямо сказала супруга пролетарского писателя Горького, – их устроят в детдом, сменят имя и фамилию, и вы никогда больше не узнаете ничего о них. Вас тоже могут арестовать как жену «врага народа» и ваша будущность неизвестна.

– Что же делать, как быть?

– У Вас есть родственники во Франции?

– Да, родной брат и его жена, бездетные.

– А средства к существованию?

– Да, и достаточные. Лично мне отец оставил по завещанию 60 тысяч франков.

– Тогда у вас только один выход: отправить детей через наш Красный Крест во Францию на воспитание в семью вашего брата.

Это и пришлось сделать бедной Жанне, несмотря на огромное горе – разлуку с детьми. Но она не могла бросить мужа!

Новая советская гражданка Ж.Г. Кофман сумела пробиться в Заполярье. Ей дали свидание с мужем, а на следующий день его снова отправили поэтапу неизвестно куда. «Мама, как могла, бежала за поездом, – рассказывает дочь Жанна. – Чтобы отогнать её, часовые стреляли. Возвращаясь в Москву, она заболела. Её, почти умирающую, выбросили на перрон небольшого городка. Её подобрали, станционный врач отправил в больницу. Она выжила, но в память о сибирской язве остался огромный шрам на спине. Русская бабушка не

вынесла происходящего и умерла. Похоронив её, мама снова кинулась искать папу. След его отыскался. Он на Медвежьей горе, в «столице» возводящегося Беломорско-Балтийского канала. Оставшееся до окончания стройки время Иосиф и Жанна были вместе».

Красноармейский бульвар в Угличе, в конце которого находился Всесоюзный научно-исследовательский институт сыроделия и маслоделия, где переводчиком работал И. Кофман.

С БЕЛОМОРКАНАЛА – В ДМИТРОВ

Жить с мужем-заключённым на строящемся канале – каких усилий это стоило Жанне! Продавая свои драгоценности, еле-еле объясняясь по-русски, она следовала за мужем везде, где бы он ни был, поселяясь в деревушке вблизи лагеря, порой даже на чердаке, пробираясь к дому по обледевшим жёрдочкам через глубокий овраг. Вымаливала свиданья, приходила к нему, полная любви и надежды. Наконец, устроилась на работу в лагерь на Беломорском канале. Там она руководила хором заключённых.

30-е годы... Благодаря своему мужественному поведению (несмотря на побои, пытки, он так и не подписал признание о своей виновности), Иосиф был досрочно освобождён и направлен в город Дмитров, где ему была предоставлена квартира.

«В СССР я продолжала препода-

давательскую деятельность (пение и игра на фортепиано), в частности – в Дмитрове, где мой муж работал на строительстве канала им. Москвы, – вспоминала Жанна Георгиевна в своей автобиографии. – В Дмитрове я жила безвыездно с 1934 года по апрель 1950-го и всё время (за исключением войны) работала: с одной стороны – в качестве преподавателя пения в Дмитровской музыкальной школе и у себя на дому, с другой – в качестве руководительницы вокальных ансамблей в разных учреждениях Дмитрова и его окрестностей».

Начальный период жизни в Дмитрове был спокойным. И муж, и жена имеют хорошую работу по специальности, у них отличная по тем временам квартира. В Дмитрове их уже знают и уважают. Но сердце болит о дочерях. Жанна Георгиевна решает съездить во Францию и добивается разрешения.

И вот она снова в Париже. Но родные встречают её настороженно. Они никогда не одобряли её брак, а теперь – тем более. Они даже против её встречи с детьми. Дочери настроены против матери. Им внушали, что она бросила их на произвол судьбы, пожертвовав даже материнской любовью ради мужа, фанатика-революционера. Брат Жорж, не стесняясь, признаётся, что растратил всё состояние сестры,

но не на воспитание её дочерей, а на свою разгульную жизнь. Жена брата, Мадлена, нашедшая утешение в Боге, воспитала племянниц в религиозном духе и готовила их к поступлению в монастырь. Такая перспектива для юных дочерей (13-ти и 15-ти лет) напугала Жанну Георгиевну, и она решила во что бы то ни стало увезти их с собой, думая о том, что по крайней мере в Советском Союзе они смогут получить бесплатное высшее образование и будут жить с родителями. Девочки не хотели ехать с матерью – боялись. Пришлось обратиться в суд, чтобы забрать их в Россию. Они не один раз убежали – в Берлине, Риге, каждый раз обращаясь к католическим священникам (адреса им были заранее даны). И даже из Дмитрова они ушли в ноябре на лыжах, направляясь в Ленинград, откуда хотели уплыть на последнем корабле во Францию. Побег закончился на Лубянке, и дочерей вернули родителям.

Да, всё не просто было в семье Кофман. Только наладилась жизнь, как грянула война. Потом – 1948 год, новая волна репрессий. Арестованы дочери – сначала Женеваева, студентка 3 курса литфака, а затем – Мария-Жанна, врач-хирург, защитница Москвы и снайпер в горных войсках на Кавказе в годы войны. Они получили по 10 лет

«Вас нельзя забыть, Жанна Георгиевна! Вы были настоящей французенкой до корней седых волос – всегда подтянутая, элегантная, с красиво поднятой головой, с лёгким юмором входили вы к нам в зал, не забывая при этом спросить нас о нашем здоровье, домашних новостях, учёбе. Но вот первые аккорды звуков, исходящих из-под прекрасных рук ваших. Вы уводили нас в мир музыки. Какие произведения пели мы тогда, какие имена композиторов мы узнавали: Чайковский, Глинка, Бизе, Брамс, Гуно, Сен-Санс и другие имена великих композиторов входили в наши души. Но, что меня всегда поражало, что вы поразительно точно понимали характер и содержание русских народных песен и песен советских композиторов. Вы, французенка, учили нас, русских, правильно передавать авторскую мысль песен, удивительно тонко чувствовали Вы старинные русские песни; украинские, грузинские, узбекские песни были тоже в нашем репертуаре».

**Елена Троицкая,
выпускница Угличского
педучилища.
1962 г.**

Клуб «Октябрь»
в Угличе, где
проходили
концерты.

Здание Угличского
педучилища,
где работала
и жила с мужем
Жанна Георгиевна
Кофман.

лагерей: Женева – за знакомства во французском посольстве, Мария-Жанна – просто как сестра своей сестры. После осуждения дочерей родителям было предложено покинуть Дмитров и выбрать место ссылки, которым и стал наш город Углич, место обитания многих политических ссыльных.

ВЕСЬ УГЛИЧ ЗНАЛ ЭТУ НЕОБЫКНОВЕННУЮ ЖЕНЩИНУ

Итак, Углич. Снова без жилья, без работы, без средств к существованию, без надежд на лучшее будущее. Но не таков был характер Жанны Георгиевны, чтобы сидеть сложа руки и ждать у моря погоды. Она борется за себя и за мужа, стучится во все двери. Наконец, одна открывается для неё – дверь Угличского педучилища. «Певица? С дипломом Парижской консерватории? С опытом преподавания? Да это же редчайшая находка!». И вот она – преподаватель пения и музыки Угличского педучилища. Началась её бурная, кипучая деятельность в этом учреждении и вообще в Угличе.

«Жанна Георгиевна была прекрасной певицей, – вспоминала её коллега, преподаватель музыки и пения, Роксана Эсперовна Боброва. – Голос – чистый, красивый, хорошо поставленный. Школа пения у неё была замечательная. В смысле вокала в педучилище сильнее её не было. Заниматься с ней было одно удовольствие. Занятия шли так увлекательно, вдохновенно, что понятия «дисциплина» вообще не существовало. Будучи сама великопешной певицей, она умела всё оказать учащимся, помочь им выразить чувства в пении. Хотя русский язык был труден для неё, но

Жанна Георгиевна и её коллега Софья Оттовна Мотренко на концерте в педучилище.

На вечере, посвящённом Франции, хор учащихся исполняет «Марсельезу», а мальчики на первом плане изображают французских «Гаврошей».

Жанна Георгиевна рассказывает по-французски о своей встрече с участницей Парижской Коммуны Луизой Мишель.

Французский танец.

Встреча с итальянским коммунистом В.А. Челло.

Жанна Георгиевна с певцами хора.

мастерство педагога и артиста было исключительное, поэтому языковой барьер быстро исчезал. Она умела прекрасно поставить голос, дыхание. Было очень отраднo слышать, как всё училище пело, наполнялось красивыми звуками. Учащиеся в годы учёбы настолько увлекались пением, что хотели заниматься им и после окончания педучилища, уже работая учителями в школах города, поэтому Жанна Георгиевна вела даже ансамбли молодых учителей. Её трудолюбие и работоспособность были поразительны. Заниматься любимым делом она могла с утра и до позднего вечера. Ни одного концерта не обходилось без её участия, и не только педучилища, но так же и на сценах Углича, Ярославля, Рыбинска и Ростова».

Жанна Георгиевна будучи почётным членом клуба международной дружбы педучилища и принимала самое активное участие в подготовке интернациональных вечеров, посвящённых Франции, Парижской коммуне, движению Сопротивления, фестивалям. Часто на этих вечерах исполнялись песни

на французском языке: «Марсельеза», «Карманьола», песня партизан «Мама, чао!», французские народные песни. Жанна Георгиевна заиграла учащихся своей страстной любовью к этим композициям. Один раз «Марсельезу» выучил целый хор учащихся, не изучавших французского языка. Жанна Кофман была растрогана до слёз.

Ученица Жанны Георгиевны, которая не училась в педучилище, а занималась с педагогом на дому, вспоминала об этом времени так:

«Жанна Георгиевна открыла для меня целый мир музыки, поэзии, интонации, искусства перевоплощения. Встречи с ней были всегда праздником познания нового и боязнью разочарования её, поскольку она была очень требовательна и скупа на похвалу, ценила высокими мерками настоящего искусства. Страстный любитель музыки,

работая над каждым словом, музыкальной фразой. В процессе общения я получила уроки воспитания духовные и эстетические».

А другая ученица, Валерия Ермакова, была поражена тем, как пела сама Жанна Кофман: «Однажды мы попросили её спеть нам что-нибудь. Она запела на французском языке арию Кармен из оперы Бизе. Надо было видеть её одухотворённое лицо. Она полностью забыла о нашем существовании и вся отдалась этой чарующей музыке. Исключительное впечатление от её сильного, страстного голоса повергло нас в трепет. Мы потом несколько дней не могли ни о чём другом говорить, как только об этом событии».

Весь город знал эту необыкновенную француженку. Из пятидесяти лет, проведённых в России, большая часть жизни Жанны Кофман прошла в Угличе (свыше тридцати лет).

была женственной, следила за собой, была со вкусом одета.

Но о главном в её жизни мало кто догадывался. Это главное высказал уже после её смерти на вечере памяти в честь 100-летия со дня её рождения ветеран педагогического труда Ф.М. Тарицын. Многие выступили тогда с воспоминаниями о Жанне Георгиевне, но речь Фёдора Матвеевича была самой волнующей и неожиданной. Всегда сдержанный, суховатый, он в этот раз говорил горячо и страстно, сравнивал Жанну Георгиевну с жёнами декабристов, последовавшими за мужьями в Сибирь, называл её жизнь подвигом. Последние слова его выступления – «Она вся была – Любовь!» – буквально потрясли всех. Это были очень точные слова, сказанные от чистого сердца.

«ПОСЛУШАЙ, ЖОЗЕФ, ЧТО ПИШУТ ОБО МНЕ...»

Любовь её к жизни, любовь к Родине, любовь к своему прекрасному делу – музыке, пению, любовь к детям, любовь к людям – в этом она была вся. Но самое главное, что в ней было, – любовь к своему избраннику – единственная и на всю жизнь. В жизненной ситуации именно он оказался самым гонимым, самым преследуемым, подверженным всем опасностям. Поэтому всей своей пламенной душой Жанна Георгиевна бросилась на защиту его, на помощь ему, никогда не думая о себе. Она пожертвовала всем ради любимого: богатством, славой, родными, даже Родиной и детьми. И никогда не раскаялась в этом, до самого последнего часа. Она несла свой тяжёлый крест

«Жанна Георгиевна была прекрасной певицей, – вспоминала её коллега, преподаватель музыки и пения, Роксана Эсперовна Боброва. – Голос – чистый, красивый, хорошо поставленный. Школа пения у неё была замечательная. В смысле вокала в педучилище сильнее её не было. Заниматься с ней было одно удовольствие. Занятия шли так увлекательно, вдохновенно, что понятия «дисциплина» вообще не существовало...»

преданный ей до конца жизни, старалась передать мне свои знания, умения и навыки. Блестяще знала русские песни и романсы, итальянское искусство «бельканто», Жанна Георгиевна учила петь красиво,

Она поражала всех своей энергией, огромной жизненной силой, оптимизмом, жаром своей нестареющей души, тактичностью, любезностью, вниманием к людям. В ней мы видели истинную француженку: она всегда

На вечере, посвящённом 100-летию Жанны Георгиевны Кофман. В центре первого ряда дочь Кофман – Мария-Жанна Кофман.

радостно и легко, пренебрегая страданиями. Любовь горела и светилась в ней, давая её силы жить и творить радость, творить добро.

Вспоминаются два эпизода. В день восьмидесятилетия Жанны Георгиевны муж умирал. Ему оставалось несколько дней жизни. Но зажжены 80 свечей, летит пробка от шампанского. И он из последних сил приподнялся на постели, выпил за её здоровье бокал и сказал ей прекрасные слова о их любви.

Перед самой смертью он предложил ей: «Давай умрём вместе, как Лафарги!». Она зарыдала: «Как же дочери?». На что он ответил: «Ты ошибаешься, у нас нет никого, мы одни». Она не решилась на такой шаг, думала о дочерях. Но впоследствии много раз сожалела об этом. Когда Иосиф умер, она вслух читала, сидя у постели, появившуюся в те дни статью в газете «Авангард» к её 80-летию. Она говорила: «Послушай, Жозеф, что пишут обо мне, ведь ты не успел прочесть». Она не билась в истерику, не рыдала, а просто всё время до похорон сидела рядом с покойным и не сводила глаз с любимого лица.

Когда дочь Мария-Жанна увозила её к себе в Москву, она взяла с неё слово, что после смерти будет по-

хоронена в Угличе, рядом с мужем. Дочь выполнила обещание – Жанна и Иосиф покоятся рядом на Угличском кладбище. Они навеки вместе.

А для нас, в наше смутное время, когда нарочито пренебрегают моральными ценностями, когда любви стесняются, превознося секс во всех видах, – для нас эта Любовь является ярким примером превосходства того духовного, вечного, что всегда должно гореть в душе человека. •

Жанна Георгиевна и Иосиф Борисович Кофман в минуты отдыха в саду педучилища.

Могила Жанны Георгиевны и Иосифа Борисовича Кофман на Угличском кладбище (на Ростовском шоссе).

